

Н.А. НЕКРАСОВ И Т.Г. ШЕВЧЕНКО: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ПОХ Л. И.,

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

В статье осуществляется попытка сопоставительного рассмотрения лирических стихотворений Н. А. Некрасова и Т. Г. Шевченко. Устанавливается ряд типологических сходжений и отталкиваний в художественном мироощущении русского и украинского поэтов.

Ключевые слова: диалогический контакт, тематическое сближение, архитектурное построение текста, дактилические ритмы, «звучные октавы», поэтическое многоголосие.

The essay presents an attempt at comparative analysis of lyrical poetry of N. A. Nekrasov and T. G. Shevchenko and points out some typological similarities and differences in the world outlook of the Russian and Ukrainian poets.

Key-words: dialogue contact, thematic similarities, architectonic construction of the text, dactylic rhythms, sonorous octaves, poetic polyphony.

Говоря о том, что текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом), М.М. Бахтин подчёркивал, что *«этот контакт есть диалогический контакт между двумя текстами (высказываниями), а не механический контакт оппозиций, возможный только в пределах одного текста»*. При этом он утверждал и тот факт, *«что только в пределах этого контакта вспыхивает свет, освещающий и назад и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу»* [1, 364].

В русле этих бахтинских размышлений представляется оправданным обращение к рассмотрению литературных связей в произведениях двух великих лириков: Н. Некрасова и Т. Шевченко, судьба которых неразрывно связана с судьбой крестьянства и уходит своими корнями в народнопоэтическое творчество.

Вместе с тем скажем, что в обширной критической литературе о творчестве каждого из поэтов редко проводятся сколько-нибудь специальные параллели, рассматриваются точки соприкосновения или пересечения, сближения или отталкивания, которые могли бы послужить выявлению *«чего-то но-вого»* [2, 4] как в интерпретации отдельного произведения, так и в осмыслении творчества писателя как единой целостности. В этом отношении показательны наблюдения К. И. Чуковского, который в своей книге «Мастерство Некрасова» замечает, что ещё в 1845 году, т.е. задолго до написания некрасовской «Железной дороги» (1864 г.) в сатире-мистереи Шевченко «Великий льох» («Подземелье» в переводе на русский язык Ф. Сологуба) упомянуты зловещие птицы, воплощающие бесовскую силу. Они хвалятся своими страшными злодеяниями, осуществлёнными во время строительства знаменитой «чугунки» [9, 399]. *Третья ворона: «Да шесть тысяч в одной версте душ передушила...»; Первая ворона: «Да ты не лги, ведь только пять... Ещё чванится чужою – не своей работой!..»* [7, 287]. И хотя К. И. Чуковский исключает мысль *«о каком бы то ни было, хотя бы отдалённом влиянии одного поэта на другого»*, согласимся с

его заключением: «здесь как бы пунктиром намечена будущая тема Некрасова: «А по бокам-то всё косточки русские ...» [9, 400].

В ходе анализа «Железной дороги», который осуществляет исследователь, он останавливается и на использовании Некрасовым песенного начала, в частности, мелодии плача, широко распространенного в русском народнопесенном творчестве. При этом Чуковский называет знаменательным тот факт, что и Шевченко «тоже заимствовал в своем родном фольклоре ритмы плачей и тоже прерывал свои «плачи» взрывами ненависти [9, 400].

Некрасов:

*Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда,
Все претерпели мы, божие ратники,
Мирные дети труда [9,404]*

Шевченко:

*Всюди
Вас найде правда люба, а люде...
В кайдани туго окують,
Розпнуть, розірвуть, розіпнуть...» [9, 405]*

И хотя Чуковский говорит о разных градациях песенности в «Железной дороге» Некрасова, он замечает, что стихи других русских поэтов, его современников, коснувшихся этой темы (например, П. Вяземского, Я. Полонского, А. Фета) лишены того «гнева, сарказма и боли», которые переполняют некрасовский текст. Таким образом, проведенное исследователем сопоставление позволяет увидеть, с одной стороны, своеобразие «Железной дороги», а с другой – сближает поэтический смысл некрасовского текста с шевченковским пониманием темы строительства знаменитой «чугунки».

В гораздо большей степени литературные связи лирической поэзии русского и украинского поэтов обнаруживаются при сопоставительном рассмотрении стихотворений Т. Г. Шевченко «Сон» (1858 г.) [8, 164] и Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1862 г.) [5, 157]. Их сопоставленность очевидна, в первую очередь, на тематическом уровне: горестная судьба женщины-крестьянки. У Некрасова прямое обозначение темы представлено уже в первом трёхстишии («Доля ты, русская, долюшка женская...»), а у Шевченко в заключительных словах текста: «Тяжко ей...» В обоих случаях ощутимо выражение авторского сострадания своей героине. Перекликаются и экспозиции лирической ситуации (Некрасов: «Бедная баба из сил выбивается» – Шевченко: «Она на барском поле жала») и ее завязка (Некрасов: «Слышится крик у соседней полосыньки, баба туда...». – Шевченко: «Не отдохнуть, хоть и устала, а покормить ребёнка там...»). Даже предметные детали обозначены одинаково четко: «серп» и «косуля»

Однако архитектурное решение темы различно. Стихотворение «Сон» не членится на строфы. Лишь в соответствии со способом рифмовки (АБАБАБВВ) угадываются два восьмистишия и заключительный катрен. Такой архитектурный прием придает стихотворению монологический характер и определяет отношение автора к своей героине: сдержанное, но глубокое чувство сострадания.

Композиционно текст членится на две части, связанные по принципу ан-

титезы: горестная жизнь и счастливый сон. Причем непосредственно авторский голос чётко определяет составляющие этой антитезы. Она «на барском поле жала» – во сне они «жнут на поле собственном», ребёнок «лежал и тихо плакал он» – во сне «детки им обед несут». Она «тихо побрела к снопам» – во сне «тихо улыбнулась».

Последнее четверостишие, возвращающее жницу к суровой действительности («взялась за серп», «урочный час», «бурмистр»), прочитывается как заключительный аккорд печально льющейся мелодии, а всё стихотворение звучит как негромкий плач (недаром в тексте дважды повторено слово «тихо»).

По сравнению с шевченковским некрасовское стихотворение звучит громко и призывно. Поэтический синтаксис насыщен риторическими фигурами: восклицаниями и обращениями («многострадальная мать», «русская долюшка женская», «столб насекомых над ней... жалит, щекочет, жужжит»). Они усиливают эмоциональное восприятие текста. Этой же цели служит и горькая ирония риторических вопросов («Что же ты стала над ним в оцепенении?»; «Вкусны ли, милая, слёзы солёные с кислым кваском пополам?»). Лексический состав текста, с одной стороны, насыщен словами высокотожественной речи («всёвыносящего русского племени многострадальная мать»), а с другой – пестрит употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, характерными для русского фольклора («ноженька голая», «косынька», «полосынька», долюшка»).

В отличие от шевченковского лирического монолога восемь терцетов некрасовского стихотворения представляют собой (с учетом девятого и десятого заключительных четверостиший) цепь сменяющих друг друга картин: «страда деревенская», «равнина безлесная», «столб насекомых над ней колыхается», «нивы, покосы да ширь поднебесная», включая и портретные детали («растрепалися косыньки», «слёзы ли, пот ли у ней под ресницами», «губы опаленные»). Эти картины и подробности фиксируют взгляд автора, «но в лирическом монологе, идущем от авторского «я», Некрасов нашёл возможности наполнить собственно лирическое стихотворение множеством героев, обладающих своими голосами, но вмещённых в сознание «я», от которого ведётся монолог» [3,181]. Лирический монолог некрасовского лирического героя, как справедливо замечает Б. Корман, становится многоголосым. В данном случае это поэтическое двухголосье. В нем при внимательном прочтении слышен голос многострадальной жницы: «Некогда кровь унимать! Надо ребёнка качать!»

Сопоставление двух текстов, таким образом, позволяет услышать в некрасовском стихотворении иную, чем у Шевченко, музыку звучащего слова, которая находит свое воплощение в использовании автором дактилических ритмов. Не случайно К. И. Чуковский говорил о том, что в поэзии Некрасова обращение к ним проявляется «с невиданной силой». А так как дактиль, «как всякий трехсложный размер, способствует широким движениям стиха и в него так легко и свободно ложатся полногласные протяжные слова» [9, 409], то музыка стихотворения Некрасова оказывается близкой напеву русской народной песни.

В марте 1861 года в дни похорон великого украинского Кобзаря Н. А. Некрасов написал элегию «На смерть Шевченко» [5,137], жанровое своеобразие которой позволило ее автору выразить всю боль утраты, горечь расставания и «затаенный гнев» к тем, кто виновен в преждевременной смерти поэта. Горькой иронией наполнены уже первые строки поэтического текста:

*Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный,
Так погибает по божией милости Русской
земли человек замечательный
С давнего времени...*

Особенности строфической композиции стихотворения связываются с использованием ритмов октавы, с ее «твердой схемой рифм», тяготением к повествованию во второй строфе текста (*Все он изведal: тюрьму петербургскую, Справки, вопросы, жандармов любезности Все – и раздольную степь Оренбургскую И ее крепости...*) и афористической законченностью иронического «поворота» в заключительной, третьей строфе:

*Кончилось время его несчастливое,
Все, чего в юности ранней не видывал,
Милое сердцу его улыбалось,
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.*

И хотя эти стихи (по цензурным соображениям) и не были напечатаны при жизни Некрасова, они были ему так дороги, что поэт прочитал это стихотворение по памяти накануне своей кончины сестре Анне Алексеевне с надеждой на публикацию.

«Размерные октавы» текста звучат и льются «как музыка дубравы» (А. Майков). Они исполнены того поэтического вдохновения, которое на протяжении всей творческой деятельности русского поэта перекликалось с звучанием шевченковской музыки. Не случайно Некрасов говорил о «целостности авторского корпуса» (О. Ронен) всех стихотворений украинского Кобзаря: «... именно задачу его поэзии было изображение народной жизни родной ему Украины, и в этом все пьесы родственны, поясняя, дополняя друг друга... Исключение какого-либо стихотворения из изданий его произведений неизбежно отразилось бы на читателе в ущерб его пониманию» [10, 336].

Таким образом, замеченные в ходе сопоставительного анализа типологические связи в произведениях Н. А. Некрасова и Т. Г. Шевченко позволяют говорить как о художественном родстве в мироощущении двух великих поэтов, так и о неповторимом своеобразии каждого из них.

Литература

1. Бахтин М. М., *К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества*, М., 1979.
2. Катаев В. Б., *Литературные связи Чехова*, М., 1989.
3. Козлов В., *Использовать при прочтении. О жанровом анализе лирического*

- произведения* // Вопросы литературы, № 1, 2010.
4. Корман Б. О., *Поэтическое многололосье в лирике Некрасова* // Некрасов в школе, М., 1960.
 5. Некрасов Н. А., *Стихотворения и поэмы*, М., 1971.
 6. Ронен О., *Цельность* // Звезда, № 3, 2006,
 7. Шевченко, Тарас, *Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского*, М., 1949.
 8. Шевченко, Тарас, *Лирика. Перевод с украинского*, М., 1971.
 9. Чуковский К., *Мастерство Некрасова*, М., 1962.
 10. Цит. по: В. Жданов, *Некрасов*, М., 1971.